

«ШУМИМ, БРАТЦЫ, ШУМИМ...»: О МИНИСТЕРСКОМ ПРИКАЗЕ, НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ И РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ

Первые дни нового учебного года были отмечены всплеском нечастого в нашей общественной жизни интереса к проблемам русского языка. Общество напоминало расстроенный улей. Газеты пестрели заголовками: «Зачем усреднили кофе?», «Чиновники утвердили новые нормы», «Скандалные нововведения министерства», «Безумный день, или Женитьба брачащихся». В телевизионных новостях демонстрировались словари — «законодатели новых норм», а в разговорах людей разного возраста и разных специальностей звучали одни и те же вопросы: «Неужели теперь надо говорить *чёрное кофе*? Кто-нибудь слышал, чтобы говорили *йогурт*? Неужели теперь *дóговор* правильно?». Явная срежиссированность этого «речеведческого бума» была особенно заметна на фоне очень важных проблем современного российского образования, которые со всей остротой обозначились в конце августа, но отошли на второй план, уступив место в общественном сознании рассуждениям об административном «изменении норм» русского языка и о необходимости его защиты.

В этих общественных дискуссиях отчетливо проявилась некомпетентность — некомпетентность рядовых носителей русского языка и, что значительно тревожнее, некомпетентность работников Министерства образования и науки. Самоуверенные чиновники еще раз демонстративно проигнорировали мнение специалистов. Вспоминается аналогичная ситуация, когда вопреки единодушному мнению педагогической общественности в министерстве было принято неожиданное решение свести много-

образии педагогического образования к одному направлению подготовки. На этот раз под прицелом чиновников оказалась нормативная лексикография. Речь идет о приказе от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». Этот приказ Министерства образования и науки РФ вступил в силу 1 сентября 2009 г. В качестве утвержденных приводятся «Орфографический словарь русского языка» Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. К. Чельцовой, «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, «Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко и «Большой фразеологический словарь русского языка» В. Н. Телии. Примечательно, что все четыре словаря изданы в одном издательстве «АСТ-ПРЕСС», который реализует проект «Словари XXI века». Очевидна значимая коммерческая составляющая указанного списка, поскольку утверждение словарей в качестве нормативных гарантирует большие их тиражи.

Конечно, огромное количество словарей разного качества и объема, которые находятся на полках магазинов, делает проблему выбора нужного издания очень острой, однако приведенный в приложении к приказу список продемонстрировал абсолютную случайность и непрофессиональность осуществленного чиновниками министерства выбора и вызвал огромное число вопросов у специалистов (лишь задним числом министерство уточнило, что список

является открытым и будет пополняться). Прежде всего, удивляет отсутствие в нем авторитетного толкового словаря. За пределами списка оказались, например, получивший всеобщее признание «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой или вышедший в 2007 г. «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией академика Н. Ю. Шведовой, являющийся научным и в то же время вполне доступным для широкого читателя изданием.

Представленный в списке «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, серьезное и значимое научное издание (впервые словарь появился в 1977 г. и с тех пор неоднократно переиздавался без каких-либо изменений), не является в строгом смысле слова нормативным (в словаре представлены не только реальные, но и потенциально возможные формы, например, форма множественного числа от слова *молоко*) и совершенно непригодно для массового читателя (даже студентам-филологам и учителям русского языка необходимы немалые усилия, чтобы разобраться в его построении). Трудно рассматривать в качестве словаря, «содержащего нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» и «Большой фразеологический словарь русского языка» В. Н. Телии.

Все главные вопросы, взбудоражившие общество, связаны, прежде всего, с материалами «Орфографического словаря» Букчиной, Сазоновой, Чельцовой и особенно «Словаря ударений русского языка» И. Л. Резниченко. Именно на них мы и остановимся более подробно. Это вечно актуальные вопросы соотношения языковой нормы (норма — это совокупность языковых средств, разрешенных системой языка, и правил употребления, обязательных для всех владеющих литературным языком в определенный период времени), так называемого узуса (реальной языковой практики говорящих) и вариантов нормы.

Обращаясь к названным проблемам, следует напомнить о лексикографической компетенции (о ней нам уже приходилось писать в журнале), предполагающей умение читать словари и извлекать из них нужную информацию. Отсутствие этой компетенции и обнаружилось, а возможно, и намеренно эксплуатировалось при вынесении на всеобщее обсуждение «кричащих» вопросов.

Итак, вопрос номер один. Неужели *кофе* стало с 1 сентября 2009 г. среднего рода? Действительно, у слова *кофе* отмечается возможность его использования как слова среднего рода. Подчеркнем, что это только возможность, характерная для разговорной речи. Наличие этого допустимого варианта давно было зафиксировано словарями. Известный лингвист В. И. Чернышев, автор книги «Правильность и чистота русской речи», еще в начале XX века относил слово *кофе* к среднему роду. В авторитетном академическом издании «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976), построенном на основе большого количества источников, отмечалось: «В настоящее время в широком употреблении утвердился несклоняемый вариант, в разговорном языке — в среднем роде: *черное кофе с лимоном, хорошее кофе, кофе остыло* и под.: Обед окончен. *Кофе* со столетним коньяком *выпито* (А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина); И все сливалось в одно: в счастливое чувство готовности на все что угодно. Водка, бенедиктин, *турецкое кофе?* Вздор, просто весна и все отлично... (И. А. Бунин. Пароход Саратов); Мы пьем *кофе, сваренное* токами высокой частоты. Оно не лучше обычного. Но Атенна им явно гордится, и я хвалю: *отличный кофе*, совершенно *особенный кофе*... (Г. Альтов. Ослик и «аксиома»)»¹. Таким образом, никаких революционных преобразований в 2009 г. не произошло, и те, кто в обиходных

¹ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. С. 79; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. М., 2001. С. 104.

ситуациях скажет «вкусное кофе», имеют вполне уважаемых предшественников. Однако если бы мы на фабричной упаковке увидели надпись «колумбийское кофе» или «растворимое кофе», то справедливо сочли бы это ошибкой. Кстати, вполне возможно, что кофе разделит судьбу какао: еще в начале XX века какао тоже относили к словам мужского рода, сейчас же ни у кого не вызывает сомнений принадлежность этого слова к среднему роду.

Вопрос номер два. Можно ли говорить *дóговор*? В словаре И. Резниченко дается первый, основной вариант *договóр* и с пометой *разг.* (разговорное) *дóговор*. Здесь мы видим безусловную уступку узусу (распространенному употреблению), но человек, умеющий извлекать информацию из словаря, поймет, что ударение на первый слог *допустимо* в неофициальной обстановке и будет рассматриваться как нарушение стилистической нормы при его использовании в публичной речи. Безусловно, тот, кто стремится следовать образцовой литературной норме, ни при каких обстоятельствах не будет употреблять сниженную форму. Однако отнюдь не сегодня словари стали фиксировать допустимость ударения *дóговор*. В «Словаре трудностей произношения и ударения» известного петербургского лексикографа К. С. Горбачевича (СПб., 2000) читаем: «**договóр** и *допустимо* (в непринужденной речи) **дóговор**». Интересен комментарий составителя: «Сейчас еще трудно с уверенностью сказать, станет ли со временем ударение *дóговор* столь же нормативным и эстетически приемлемым как *договóр*. Предпосылки для этого есть. Не только часть интеллигенции, но и некоторые современные известные поэты употребляют вариант *дóговор*. “Но ты не пугайся. Я *дóговор* наш не нарушу, не будет ни слез, ни вопросов, ни даже упрека” (О. Берггольд. Ничто не вернется...). В книге “Живой как жизнь” К. Чуковский предсказывал, что варианты *дóговор*, *договóра* станут в будущем литературной нормой».

Хочется обратить внимание на приведенное выше название книги К. Чуковского —

«Живой как жизнь». В этих словах содержится очень важное предостережение пуристам: лишить язык вариантов — значит лишить его возможности и права развиваться. Приведем одно из типичных высказываний, прозвучавших в дискуссиях последних дней: «Внесенные изменения в правила русского языка я считаю абсолютно ненужными и бестолковыми, — говорит Борис Тарасов, ректор Литературного института им. А. М. Горького. — Насколько я знаю, никаких аргументов в их пользу не приводится. По сути, мы видим узаконивание “сниженного” уровня русского языка, которое наблюдается и в жизни, и в массовой культуре. Кроме того, допуская двойное ударение в некоторых словах, современные реформаторы вносят в язык элементы хаоса. Вместо того чтобы подниматься в гору — я имею в виду повышение культуры языка, сохранение его традиций, — нас заставляют спускаться вниз да еще и подталкивают» (*Аргументы и факты*. 2009. № 37). Почти каждое утверждение здесь по меньшей мере спорно: во-первых, ни о каких «правилах» речь не идет, словарь фиксирует не правила, а нормы и варианты норм; во-вторых, любой язык имеет различные стилистические ресурсы, которые позволяют по-разному использовать языковые средства в разных сферах и в разных речевых ситуациях; в-третьих, невозможно законодательно утвердить лишь одно ударение, поскольку наличие вариантов — это закономерное явление в естественном языке и показатель его развития.

Языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном — но при этом обычно не осознаваемом им — согласовании собственных речевых действий с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка, и с реальной повседневной речевой практикой его современников. Не всегда это согласование происходит безболезненно, поскольку в действие вступают факторы речевого вкуса и речевой моды. Языковая мода справедливо связывается с обязательной избыточностью образцов, с осознанием их престижно-

сти в том или ином социуме, с осуществляемым личностью языковым выбором. Для иллюстрации понятия «языковая мода» приведем слово *компонент*, которое во всех словарях представлено как слово мужского рода. Только в профессиональной речи (прежде всего в области точных наук) допустимо использование варианта *компонента* (женский род), например: *компонента силы* — *каждое из слагаемых при разложении силы*. Однако в последние годы стало модным использовать слово *компонента*, в частности в педагогической среде (*культурная компонента, психологическая компонента* и т. п.), что нельзя считать оправданным.

Говоря о принципиальной возможности освоения нормой новых языковых феноменов, известный лингвист, заместитель директора Института русского языка РАН Л. П. Крысин отмечает, что есть основания для введения некоей «шкалы толерантности», на одном полюсе которой располагаются оценки «консерваторов», а на другом — тех, кто легко допускает в собственную речь новшества². Позиция консерваторов выразительно представлена, например, в публицистической книге М. Арсеньевой «Язык мой — друг мой. Филологи, — к барьеру!»³ Категорически отвергая вариантность нормы, автор вступает в спор с известными петербургскими и московскими лингвистами, требуя от них четких и однозначных ответов на возникающие вопросы.

Отвечая на призыв автора книги и «выходя к барьеру», мы хотим еще раз повторить, что существование вариантов — не болезнь языка, не его недостаток, а неременное свойство, отражающее динамичность, подвижность, изменяемость языковых норм. «Строгость норм — неотъемлемая черта литературного языка как языка культуры. Однако эти нормы, как известно, не исключают наличия вариантов на всех

уровнях языка: через варианты язык нащупывает дорогу в будущее»⁴. Варианты различны по степени своей допустимости в различных сферах общения (официальная речь требует большей строгости, разговорная, обиходная допускает большую свободу). Шкала вариантности (равноправные варианты, допустимые варианты, допустимые устаревающие варианты, распространенные ошибки), принятая в орфоэпических словарях и представленная с помощью специальных помет, позволяет говорящему корректировать свое речевое поведение. Словарные указания «допустимо», «не рекомендуется», «в просторечии», «разговорное», «устарелое», «устаревающее» дают ориентиры для выбора нужной формы.

Динамика нормы — причина культурно-речевых конфликтов в обществе: речевые новации могут приниматься одними носителями языка и вызывать яростное сопротивление у других, что и продемонстрировала инспирированная приказом министерства ситуация.

Выбор одного из двух допускаемых нормой вариантов отражает вкусовые предпочтения говорящих, поскольку абсолютно равнозначных вариантов не существует (один из них является или более устарелым, или более книжным, или более разговорным), со временем один из вариантов уходит, уступая место основной нормативной форме. Хорошей иллюстрацией этого процесса служит рассказ профессора В. В. Лаптева. В начале 80-х гг. ему пришлось вести телевизионные передачи по физике для школьников. В одной из них при описании физического опыта была произнесена фраза: «Берем лист *фольги*». Ударение на последнем слоге соответствовало узусу, обычному, в том числе в преподавательской среде, употреблению. Между тем, по указанию редактора, фрагмент передачи пришлось записать снова, исправив произно-

² Крысин Л. П. Языковая норма: жёсткость vs. толерантность // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М., 2003. С. 64.

³ Арсеньева М. Язык мой — друг мой. Филологи, — к барьеру! СПб., 2007.

⁴ Кузьмина С. М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариантности написаний) // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 410.

шение слова *фольга* в соответствии с рекомендациями нормативного в те годы «Словаря ударений для работников радио и телевидения»: «*фо́льга*, не *фольга́*». Показательно, что в письмах учителей, которые были присланы в редакцию после передачи, высказывалось удивление по поводу неправильного, с их точки зрения, произношения (*фо́льга*). Этот случай выразительно демонстрирует достаточно распространенное расхождение между узусом (принятым в социуме общим употреблением) и нормой (употреблением кодифицированным, утвержденным словарями и справочниками). Примечательно, что если узус остался неизменным, то нормативные рекомендации изменились: в последние годы нормативным и предпочтительным считается ударение на втором слоге, а допустимым, но устаревшим вариантом является *фо́льга* (выбор этого варианта указывает на индивидуальные возрастные, профессиональные и вкусовые предпочтения говорящих). Рекомендованный министерством словарь И. Резниченко дает уже лишь одну нормативную форму *фольга*, отмечая в примечаниях бытование старой нормы.

Очень важно не путать нормативные варианты (например, *одновременный* и *одновременный*, *[дэ]градировать* и *[де]градировать*, *[дэ]гуманизация* и *[де]гуманизация*, *маркетинг* и *маркетинг*, *феномен* и *феномен*) и ошибки (например, *одновремен[ё]нный*, *оговоренный*, *новорожденный*, *[тэ]рмин*, *выговора́*, *выговоров*, *растам[а]живать*, *ходатайствовать*). Восприятие правильного, но непривычного для конкретной языковой личности варианта (например, *предвосхитить*, *генезис*) как ошибочного может привести к коммуникативной неудаче. Приведем случай из нашей педагогической практики: после лекции студентка филологического факультета подошла и отметила неправильное, с ее точки зрения, произношение преподавателем слова *облегчить*. Она ссылаясь на то, что учительница в школе настойчиво исправляла такое произношение и требовала произносить *облегчить*. Таким образом, сформиро-

ванный в школе ошибочный произносительный навык не только вносит нежелательный штрих в речевой портрет говорящего, но и определяет его искаженное восприятие нормативной речи. Показательным является и очень распространенное восприятие допустимого варианта *мы́шление* как акцентологической ошибки (такое восприятие отмечено нами и в преподавательской, и в студенческой среде). Магистранты филологического факультета говорили, например, что им резало слух произношение *мы́шление* в речи одного из преподавателей, они воспринимали такое произношение как грубое нарушение нормы. Между тем такое ударение характерно для некоторых филологов старшего поколения, для философов и психологов и отнюдь не является ошибкой. Налицо коммуникативный конфликт, связанный с неразличением нормативной вариантности и отклонения от нормы. Таким образом, понятия культуры речи органично связаны с целым рядом аспектов речевой конфликтологии.

Приведем примеры весьма распространенных в нашей педагогической среде нарушений нормы: *гражданство* вместо *гражда́нство*; *намерение* вместо *наме́рение*; *средства*, *средствам* вместо *средства*, *средствам*; *договоренность* вместо *договоре́нность*; *эксперт*, *экспертный* вместо *экспе́рт*, *экспе́ртный*; *украинцы*, *украинский* вместо *украи́нцы*, *украи́нский*; *жалюзи* вместо *жалю́зи*; *каталог* вместо *ката́лог*; *факсимиле* вместо *факси́миле*; *ск[ур]пулёзный* вместо *скрупуле́зный*; *беспреце[н]дентный* вместо *беспрецеде́нтный*; *а[н]бициозный* вместо *амбициозный*; *компе[тэ]нтность* вместо *компе[тэ]нтность*; *[те]сты* вместо *[тэ]сты*; *компью[те]р* вместо *компью[тэ]р*; *включит*, *включат*, *включенный*, *включен*, *включена* вместо *включи́т*, *включи́т*, *включе́нный*, *включе́нный*, *включе́н*, *включе́на*; *подключится*, *подключатся* вместо *подключи́тся*, *подключи́тся*; *оговоренный* вместо *оговоре́нный*; *фе[дэ]ральный* вместо *феде́ральный*; *фетиши* вместо *фети́ши*; *диспансер* вместо *диспансе́р*; *издревле* вместо *издревле́*; *проторенный* вместо *прото́рен-*

ный; *оптов́ый* вместо *опто́вый*; *мо́зги* вместо *мозги́*; *си́роты* вместо *сирóты*; *проректорá* вместо *прорéкторы*. Этот список легко продолжить.

Вернемся к рекомендованному министерством в качестве нормативного словарю И. Резниченко. В нем также широко представлены варианты произношения: *берёста* и *береста́*, *бижутéria* и *бижутерíя*, *кулинáрия* и *кулинарíя*, *грейпфрут* и *грейпфру́т*, *высо́ко* и *высоко́*, *далёко* и *далеко́*, *джи́нсовый* и *джинсо́вый*, *магíстерский* и *магистéрский*, *му́скулистый* и *мускули́стый*, *и́наче* и *ина́че*.

Следует сказать, что автор словаря, как это отмечено в предисловии, не пытается «дифференцировать варианты по степени предпочтительности». Такое утверждение кажется странным в словаре, который рекомендуется в качестве нормативного. В словарном деле давно сложилась традиция давать первым более предпочтительный вариант, например, *творо́г* и *тво́рог* (в словаре Резниченко наоборот — *тво́рог* и *творо́г*). Между тем в словаре приводятся довольно странные пары: *акро́стих* и *акростíх*, *недо́питый* и *недопíтый*, *обру́шение* и *обруше́ние*, *заржа́веть* и *заржавéть*, *по́исковый* и *поискóвый*, *фо́бия* и *фобíя* и др.

В числе нашумевших вопросов последнего времени был и такой: «Неужели теперь надо говорить *йогурт*?». Действительно, такое произношение услышать практически невозможно. Однако в рекомендованном в словаре представлена пара вариантов: *йогурт* и *йогур́т*. Откуда же взялось ударение на последнем слоге? Обратившись к истории представления этого слова в словарях, мы установили, что оно впервые было зафиксировано в качестве неологизма в «Словаре новых слов и значений по материалам литературы и прессы 60-х годов» с ударением именно на последнем слоге, оттуда переключалось в ряд других словарных изданий, однако это ударение было так называемым «бумажным», т. е. не опиралось на реальную практику звучащей речи (в словаре приводился пример из газеты, где говорилось о разработке в лаборато-

рии нового кисломолочного продукта), поскольку йогурты просто не существовали как продукт массового потребления. Активное использование слова началось лишь с 1991–1992 гг., когда на прилавках появился экзотический продукт. Слово (вместе с обозначаемой им реалией) пришло из английского языка (в английский же — из турецкого) с естественным для таких заимствований ударением на первом слоге. Именно форма *йогурт* дается в наиболее авторитетных новейших словарях. Реанимация в нормативном словаре никогда не существовавшей в реальной речевой практике формы кажется по меньшей мере необоснованной. Столь же странно, например, единственное ударение в слове *прику́с* (положение зубов при сомкнутых челюстях) и примечание составителя: «Ударение *при́кус* принято в профессиональном общении стоматологов, косметологов и др., но только там оно и уместно». Встает вопрос, почему авторитетный новейший толковый словарь под редакцией академика Н. Ю. Шведовой дает единственное ударение *при́кус*, а словарь, «содержащий нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», — вариант, который вряд ли когда-нибудь приходится слышать в речи даже хорошо образованных людей. Подобных вопросов в процессе чтения словаря возникает очень много. Задумайтесь, в частности, такой: необходимы ли при использовании русского языка в качестве государственного языка Российской Федерации слова *татарва́*, *трапезова́ть*, *сту́пница*, *пустельга́*, *перхо́та*, *оде́сную*, *плюсна́*, *пло́ить*, *плаце́бо*, *ко́новязь*, *мыслéте*, *клякёр*, *ме́шкотный*? Любителей лингвистической экзотики приглашаем обратиться к рекомендованному министерством словарю.

Отметим также очень странный для нормативного словарного издания мнемонический прием, используемый И. Л. Резниченко: предлагается запомнить правильное ударение по аналогии с другим словом. Такие «узелки на память», как они названы

в словаре, связывают абсолютно различные слова, сходство которых заключается лишь в месте ударения: *инженёр* — *пионёр*, *бравёрный* — *дежёрный*, *бóчковая* — *пáльма*, *бóчковое* — *пíво*, *нугá* — *халвá*, *толи́ка* — *частíица*, *кусóчек*, *запломбировáть* — *застраховáть*. Многочисленные рекомендации такого рода вряд ли могут способствовать формированию навыков нормативного произношения. Хочется привести словарную статью к слову *бра́чающиеся* (вступающие в брак, молодожены), которая очень выразительно показывает не только абсолютную антинаучность рекомендаций, но и попытку внедрить в активное употребление чуждые живому языку элементы канцелярита (не случайно чудовищное для нормальной речи *бра́чающиеся* попадает в словаре отнюдь не в контекст официально-брачного договора, а в высказывание, имитирующее разговорную речь): «Если постановка ударения в этом слове затрудняет вас, то, возможно, поможет ассоциация “от противного”»: **бра́чающиеся** — **тя-**

жушиися, 'находящиеся в тяжбе, судящиеся друг с другом', ср.: *Только месяц назад это были бра́чающиеся, а сегодня они тя́жущиеся*. У обоих слов ударение падает на первый слог». При чтении такого рода словарных материалов, действительно, появляется желание поддержать многократно звучащий в последнее время призыв: «Защитим русский язык!»

Завершая наблюдения над словарями, которые нам рекомендуют, повторим, что отечественными лингвистами создано много очень хороших словарей и только *вдумчивое сотрудничество* лексикографов, издателей, педагогов позволит создать обоснованные списки авторитетных изданий.

Что же касается изменений в языке, то они неизбежны, и задача всех, кто заботится о защите нашей языковой среды, внимательно, серьезно, без кампанейщины выявлять острые и спорные вопросы современной речи, говорить о них и делать все для формирования хорошего речевого вкуса нашего современника.